

МАРИ ВАРЕЙ

ПОСЛЕДНЯЯ СПИЧКА

В переводе Валерии Фригман

Чулан: страшные тайны

Мари Варей
Последняя спичка

«Эвербук»

2024

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

Варей М.

Последняя спичка / М. Варей — «Эвербук», 2024 — (Чулан:
страшные тайны)

ISBN 978-5-00-581179-0

90-е годы. Малышка Абигаэль — уникальный ребенок: одни считают ее недалекой, другие — вундеркиндом с невероятно высоким уровнем интеллекта. Чтобы справиться с беспорядочными мыслями, девочка ведет дневник, в котором рассказывает о повседневных событиях и любимом брате Габриэле. А также о тайнах, которые хранит ее семья... Наши дни. Абигаэль уже двадцать лет семь лет живет затворницей в аббатстве Святой Марии Сонской в Женевине. Что случилось с подающим надежды ребенком? Какие секреты она пронесла сквозь года и почему визиты Габриэля, ставшего знаменитым художником, неизменно вызывают в ее душе тревогу?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-00-581179-0

© Варей М., 2024
© Эвербук, 2024

Содержание

Абигаэль	6
Из дневника Абигаэль	8
Абигаэль	11
Кабинет доктора Гарнье	15
Из дневника Абигаэль	16
Абигаэль	18
Кабинет доктора Гарнье	22
Абигаэль	27
Из дневника Абигаэль	31
Абигаэль	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мари Варей

Последняя спичка

Marie Vareille

La Dernière Allumette

© Charleston, une marque des Éditions Leduc, 2024

© Фридман В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвербук»,
Издательство «Дом историй», 2026

© Макет, верстка. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

Посвящается маленькому мальчику из Сарселя, ставшему производителем крыльев, высококвалифицированному инженеру, который тридцать девять лет назад прикрепил к моим детским плечам наикрасивейшие крылья из перьев, винтов и болтов, потому что воск, если приблизиться к солнцу, тает...

Словом, моему папе

«Птица, рожденная в клетке, думает, что умение летать – это болезнь».

Алехандро Ходоровски

«Взрослый пусть не прямо, но точно намекинул, что делать плохо – это хорошо».

IAM¹, «Младший брат»

Статья 371–I Гражданского кодекса Франции, зачитываемая во время регистрации брака:

*«Родительская опека – это совокупность прав и обязанностей, направленных на охрану **интересов ребенка**. Она предоставляется родителям до совершеннолетия ребенка либо до признания его дееспособным в целях обеспечения его **безопасности**, доступа к образованию и к возможностям для развития, а также в целях сохранения его здоровья и укрепления нравственных ценностей, **при должном уважении к его личности**».*

¹ Французская хип-хоп-группа. – Здесь и далее примечания переводчика.

Абигаэль Сейчас

Габриэль не такой, каким вам кажется. Я прекрасно это знаю, ведь я его младшая сестра, и связавшие нас в детстве кровные узы, к сожалению, так и не ослабели. Я, действительно, сделала все, чтобы отдалить его от себя. Но даже сегодня, хотя ему уже за сорок, он по-прежнему навещает меня в монастыре дважды в месяц по субботам. Он рассказывает мне мельчайшие подробности своей жизни, никогда не интересуясь моей. Я единственная, кому он показывает свое истинное лицо. Габриэль прекрасно знает, что если мне в голову взбредет выдать его тайны, то мое слово, слово сумасшедшей, будет значить не больше, чем ветер, гуляющий по замусоренному пустырю, где некогда стоял дом нашей семьи. Я слышала, как сестра Мари-Клотильда сказала, что на этом месте вот-вот сделают парковку. Скорей бы. Перспектива того, что волны горячего асфальта поглотят остатки моего детства, наполняет меня радостью.

Вот уже двадцать семь лет я живу в аббатстве Святой Марии Сонской в Женевињи. Мне очень тоскливо. Впрочем, могло быть и хуже. Я могла сейчас находиться за пределами монастыря, в реальном мире, среди реальных людей. Со своей кровати я вижу небо и ветви величественного многовекового дуба. Монахини уверяют посетителей, что здесь останавливалась на отдых Жанна д'Арк, когда шла освобождать Орлеан от англичан. Приманка для туристов или исторический факт? Выяснить мне так и не удалось. Но к делу это не относится. Не станем отвлекаться. К делу относится мой брат. Габриэль. Во всяком случае, я так думаю. Учитывая мое состояние, распутать все ниточки произошедшего будет не так-то просто.

Несомненно одно: моя история начинается и заканчивается похоронами. Лучше уж сразу вам об этом сказать, избавив от неприятных сюрпризов, и, поскольку надо с чего-то начать, с похорон и начнем. В то утро никто не говорил с Габриэлем. Никто не обнял его. Никто не утешил. И даже я, судя по всему. Воспоминания мои смутны, некоторые подробности вообще стерлись. Кто же умер тогда? Мне никак не удастся ответить себе на этот вопрос. Посттравматическая амнезия, как сказала бы доктор Ассан. Отправляясь на похороны, безусловно, важно знать имя усопшего, но пусть первым бросит в меня камень тот, у кого никогда не бывало провалов в памяти.

В день похорон Габриэль выглядел каким-то безвозрастным. Его взгляд был застывшим, тяжелым. Мне не удавалось прочесть в нем никаких эмоций. Он разве что слегка вздрогнул при первом глухом ударе комков земли о сосновый гроб. Его знобило, несмотря на августовское солнце, припекавшее блестящую лысину нашего отца. Кстати, отец проплакал три дня почти без остановки. Я молча смотрела на него. Широкие, поникшие от горя плечи сотрясались от плохо скрываемых всхлипов, его огромная фигура походила на тряпичную куклу. А что же моя мать? Странно, но я ее совсем не помню в тот день. Мне было двенадцать с половиной лет. Вероятно, я потеряла очень дорогого мне человека, потому что после похорон я больше никогда не была прежней. Нет лучше средства, чем трагедия, чтобы погрузить вас без предупреждения в состояние тяжелого невротического расстройства на долгие годы.

На похороны пришли многие жители нашего бургундского городка. Печально склонив головы, они шептали *«Трагедия, горе, беда»*. Как будто эти слова, сказанные тихо, со скорбью в голосе, придавали им добропорядочности. Как будто сами эти люди не несли никакой ответственности за трагедию-горе-беду. Если бы тогда поинтересовались моим мнением, я бы отказалась их приглашать. Но моим мнением, разумеется, никто не поинтересовался.

Мы с Габриэлем и папой держали по красной розе, с которых продавец цветочной лавки удалил шипы. Всю церковную службу я смотрела на голый безобидный стебель и думала, что надо бы и людей лишать шипов так же, как это делают с цветами. Когда теплая рука Габриэля

скользнула в мою, вложив в нее коробок спичек, я никак не отреагировала. Долгие годы я храню этот коробок. Нарисованное на нем красное солнце выпцело, и теперь его почти не разглядеть, внутри осталась лишь одна спичка. Толком не знаю почему, но я так и не решилась его выбросить.

Заглядывать в гроб мне не хотелось. Мне решительно не хотелось видеть, кто там лежит. Узнать это было бы невероятно тяжело. Потому, возможно, мне и не удастся сейчас вспомнить, кого тогда хоронили. В церкви я осмелилась поднять голову, только услышав, как закрывают деревянную крышку. Слишком рано подняла взгляд. Успела кое-что заметить. Краешек до боли знакомой ткани, лазурно-голубой с принтом в виде маргариток. Мамин шарфик? Что он делал в гробу? Нет. Надо подумать о чем-нибудь другом. Поскорее выбросить эту картинку из головы, пока она не впечаталась в память.

Доктор Ассан, психиатр, которую я когда-то посещала по настоянию школьной администрации, не уставала повторять, что «искажать неудобную нам правду не выход из ситуации». Оглядываясь назад, надо, наверное, признать, что она была права. Ложь всегда влечет за собой определенные последствия, в том-то и проблема. Как в случае этих похорон, например. Бедная доктор Ассан. Она так корила себя, что не сумела отделить правду от лжи в моих рассказах. Но упрекать ее в этом нельзя. Мне и самой всегда было невероятно сложно понять, что происходит в реальности, а что – только в моей голове. Заметьте, я признаю за собой определенную склонность заполнять пробелы или подменять неприятные моменты жизни вымышленными историями. Я знаю о фактах, каких знать вроде бы не должна, иногда вспоминаю события, свидетелем которых не была, а значит, я их, вполне вероятно, придумала. Вопреки всеобщему мнению, сумасшедшей в прямом смысле слова я себя не считаю. Даже наоборот, я нахожу себя абсолютно нормальной, во всяком случае, основную часть времени.

Никогда наша семья не выглядела такой сплоченной, как в тот день перед гробом. Нас притягивало друг к другу нашими лицемерием и скорбью, словно идущим от камина теплом. Помню, я задавалась вопросом, не сделает ли нам кто-нибудь замечание, что горестный вид и кроваво-красные розы в этом случае неуместны. Но никто замечания не сделал. *Трагедия. Горе. Беда.* Вот и все. Я и сейчас, по прошествии времени, поражаюсь: никто не был шокирован, глядя на то, как мы нарушили элементарнейшие правила приличия: на похороны к убитому тобой человеку не приходят.

Это как-никак основа основ.

После похорон Габриэль сунул в рюкзак кое-какую одежду, полную коллекцию дисков группы «Пинк Флойд», все сбережения нашей соседки мадам Мишле и папино полуавтоматическое охотничье ружье. С присущей ему удивительной тщательностью мой брат завернул оружие в пузырчатую пленку и закрепил моими детскими резинками для волос – желтыми с подвесками в виде маленьких радуг. А еще прихватил мои личные дневники – тетрадки, спрятанные в бойлерной, где пахло чем-то затхлым и где он обычно меня запирали. Уходя, он крикнул, что отправляется к приятелю и к ужину будет. Домой он так и не вернулся.

Сжимая коробок спичек в руке, я смотрела, как уходил брат. Из его приоткрытого рюкзака торчал ствол ружья, упакованного в пузырчатую пленку. Габриэль обернулся один-единственный раз, когда дошел до конца улицы, упиравшейся в сквер, куда он изредка брал меня с собой и мы курили там сигареты, украденные им у мадам Мишле или в местной лавке, где торговали прессой, табаком и лотерейными билетами. На несколько секунд Габриэль задержал взгляд на окне моей комнаты. Я понимала, что в этот момент он думал именно обо мне, но не сомневалась: ноги его здесь больше не будет. По мере того как удалялся его силуэт, мне дышалось все свободнее, я испытывала небывалое облегчение, понимая, что мой брат и папино ружье окажутся так далеко от дома нашего детства, как только это возможно. Я закрыла глаза и принялась изо всех сил молиться, чтобы он забыл меня.

Разумеется, Бог моих молитв не услышал.

Из дневника Абигаэль 1990 год

Доктор Ассан сказала, что я должна привести в порядок свои мысли, а приводить их в порядок гораздо проще, когда пишешь, чем когда говоришь. И она сразу же протянула мне тетрадку, чтобы помочь мне навести порядок в мозгах. На ее страницах я могу рассказывать абсолютно все, ведь читать мои записи никто не имеет права. Это называется уважением частной жизни (то есть тетрадка только для меня). Описывать нужно все по порядку. А то у меня в голове слишком много всяких мыслей. Иногда они сталкиваются друг с другом, как птицы, которых заперли в малюсенькой-премалюсенькой комнатке. Это нисколько не смешно. Бедняжки. Мне потом никак не удастся закончить то, что я хотела сказать. Начала и концы фраз смешиваются, как буквы в коробке со скрэблом, когда ее трясут. Не люблю, когда такое происходит. Я заикаюсь, сбиваюсь с мысли, и мои друзья обзывают меня умственно отсталой. Доктор Ассан говорит, что настоящие друзья не обзывают своих друзей умственно отсталыми. А еще она говорит, что я не отсталая. Она говорит, что даже совсем наоборот.

Она говорит: *статистически, Абигаэль, лишь 0,1% людей на Земле имеют кью как у тебя или выше.*

Еще она говорит: *но даже очень умным людям опасно играть со спичками.*

Кью означает, что я очень умная маленькая девочка: как птички, которые узнали все об этой жизни и которые никогда не плачут, а весь день поют и летают.

А 0,1% – это немного.

Я стараюсь верить доктору Ассан и больше не думать, что я умственно отсталая, а то становится грустно, хотя в некоторые дни не думать об этом трудно. Даже наша соседка мадам Мишле иногда поглаживает меня по голове и шепчет (в смысле, говорит очень тихо, как будто по секрету), что моих мозгов хватило бы человек на семь или восемь. Это такой шуточный, более вежливый способ назвать меня сумасшедшей. Не люблю это слово. Оно пугает. Уж лучше быть умственно отсталой, чем сумасшедшей. И все-таки мадам Мишле добрая. Она всегда зовет маму в гости выпить чашечку горячего чая или съесть конфетку. Мадам Мишле мне очень нравится. Хотя у нее тоже порой что-то заклинивает в мозгу. Например, однажды она позвонила в нашу дверь среди ночи и спросила, не найдется ли у нас прованских трав. Это смешно, но и немного грустно почему-то. Тем более что никаких прованских трав у нас не водилось: мамину привычку добавлять во все блюда травы папа считал отвратительной. Мы же не бараны.

Ну вот опять меня уводит куда-то в сторону.

Соберусь-ка я с мыслями.

Я живу с братом и родителями в Женевины (это Бургундия), в клубной резиденции. Забыла сказать, что меня зовут Абигаэль Лемонье и мне семь лет. Это уже сознательный возраст. *В клубной резиденции*, так папа всем говорит. На самом деле, это всего лишь дом в окружении других похожих домов и с улицей между ними. Здесь на окнах растет герань, а газоны зеленые-зеленые, прямо как в мультике «Астерикс в Британии». На втором этаже у нас большое витражное окно заменяет часть стены у лестницы, оно разноцветное, со множеством деревьев и птиц. Это *дико ративное* искусство. Витраж намного лучше, чем стена. Место рядом с витражом мне нравится больше всего в доме. Я ложусь на пол со своей любимой игрушкой, зайчиком по имени Альбер, и смотрю, как свет проходит сквозь деревья и птиц на стекле. Солнечные блики покрывают пол, мое лицо, мою футболку. Это как летать среди звезд.

Профессия моего старшего брата Габриэля: десятилетний мальчик, дающий мне оплеухи.

Профессии моих родителей: мама фея. Даже папа так говорит: *это фея Лень*. Раньше она была санитаркой, но после моего рождения оставила это дело и превратилась в фею, потому что она все равно получала гроши, а папа не хотел рисковать, не хотел, чтобы она перепутывалась с дежурными врачами. Папу не проведешь. А сейчас маме очень повезло, ведь ей больше не нужно работать. Она все время отдыхает, занимается нами и домом. Когда она делает уборку и готовит еду, всегда слушает одну и ту же песню. От этой песни хочется плакать. Она на английском языке. От голоса певицы и от самой мелодии у меня в животе поднимаются какие-то волны. Это текучее счастье, оно разливается по моим рукам и ногам. А еще мне от нее, от песни, становится немного плохо, не знаю почему. В любом случае это определенно самая прекрасная песня на свете.

А теперь о папе. Мой папа суперумный. Он работает в кабинете сам на себя. Однажды я его спросила, что он делает на работе, и уже через одиннадцать секунд начала считать пылинки в солнечном луче, потому что я очень люблю так делать. Папа заметил, что я его не слушаю, рассмеялся и сказал мне идти поиграть. Мой папа всегда добрый со мной. Он никогда меня не бьет. В прошлую субботу он водил нас с Габриэлем в кинотеатр на фильм «Один дома», он купил нам попкорн и мороженое, что было не очень благоразумно, хотя мама просила нас быть благоразумными.

Когда работаешь в кабинете сам на себя, можно делать много всего разного. Взять, например, доктора Ассан, ее работа в кабинете заключается в том, чтобы хмурить брови. А еще слушать рассказы о моей жизни или смотреть, склонив голову, как я рисую. Ее профессия называется шарлатанка-психолог, так мне папа объяснил. Все это чисто женские бредни, но школа хочет, чтобы я ходила к доктору Ассан из-за спичек, из-за руки, которую я сломала, прыгнув с крыши, ну и еще из-за других моих выходов, абсолютно неприемлемых, как сказала директриса, но мне не хочется о них рассказывать, потому что это будет очень долго, а когда я долго пишу, у меня устает рука. А вот у папы настоящая работа. Он не отдыхает целый день, как мама, которая только делает уборку, готовит еду и стирает белье. Когда в начале учебного года мы заполняли формуляры, папа сказал мне в графе профессия родителя написать *руководящий кадр*. Кадр! Как в кино или на фото пленке. Меня это насмешило, я хихикала в одиночку, и мои друзья начали обзывать меня чокнутой. Я не знаю, что именно означает слово кадр, но мне, в сущности, все равно. А еще у папы есть коллега, которого зовут этот кретин Лемаршан. Мне не нравится этот кретин Лемаршан, потому что он ведет себя как размазня, отчего у папы портится настроение. Я умею угадывать, в каком сегодня папа настроении, в хорошем или плохом, по тому, как он захлопывает дверцу машины. Я не люблю, когда у папы плохое настроение. Мама тоже не любит. Она становится вся бледная. Как к этому относится Габриэль, я не знаю. Надо его спросить. В любом случае работа у папы важная. Она кормит нас и позволяет держаться на плаву этой никчемной семейке. Без нее мы бы все спали под мостом из-за мамы, феи Лень, и умничали бы меньше, это уж точно.

Я стараюсь выражаться ясно, ведь то, что произошло, очень серьезно. Как говорит доктор Ассан, чрезвычайно (то есть очень) важно восстановить цепочку событий, которые привели к тому, что я почувствовала себя птицей, прыгнула с крыши и сломала руку. Теперь у меня гипс. Но никто не захотел рисовать на нем сердечки, как когда-то на гипсе у Селины. Мне от этого стало грустно. Тогда я обратилась к Габриэлю, который очень хорошо умеет рисовать, потому что ему почти одиннадцать лет, и он изобразил на моем гипсе лес с нашего витража. Получилось красиво, но сердечки мне бы больше понравились. Сердечки означают любовь. А мама говорит, что любви много не бывает. Я с ней совершенно согласна. Я люблю Селину. Никак не пойму, почему все смеются, когда я так говорю.

Временами я что-то забываю, но не осознаю этого. Во всяком случае, так говорит доктор Ассан. Когда мой мозг не желает принимать какую-либо информацию, он прячет ее глубоко-глубоко в моей голове, вот я и перестаю помнить. Это *камни зия на фоне трав матиче-*

ского среза. Из-за падения с крыши. Иногда я даже придумываю новые воспоминания вместо забытых. Доктор Ассан говорит, это как взять и посадить цветы там, где закопано нечто очень неприглядное или сильно страшное. Но оно все равно остается там, под цветами. Хоронить свои воспоминания – то же самое, что игнорировать (то есть не обращать внимания) ранку, которую нужно промыть. Туда может попасть зараза, и потом она распространится по всему организму. Очень плохо, если такое случается, ведь чем глубже проникает инфекция, тем опаснее. Из-за этого Габриэлю даже делали операцию, когда у него был аппендицит. Вот и с моей сломанной рукой так же. Иногда я вроде бы знаю, почему спрыгнула с крыши. Но если пытаюсь об этом рассказать, то сразу ничего не знаю. Все глубоко закопано.

Доктор Ассан говорит: *Абигаэль, ты не помнишь или не хочешь вспоминать?*

Я стараюсь что-нибудь ответить, но у меня начинает болеть голова, я задыхаюсь, мне становится страшно. В результате я хороню воспоминания и высаживаю поверх них цветы. Тюльпаны. Я очень люблю тюльпаны.

Доктор Ассан говорит, что очень важно проводить различие между правдой и вымыслом.

Но это так же сложно, как отделять желтки от белков в уже приготовленном омлете.

Мама больше не делает омлет с беконом. В прошлый раз папа швырнул тарелку в стену, потому что он женился не для того, чтобы все время питаться одним омлетом. А я очень любила омлеты. На обоях до сих пор осталось жирное пятно. По очертаниям оно похоже на Корсику.

Доктор Ассан говорит: *не так уж и сложно, правда – это факты, памяти трофеи.*

Правда – это факты, трофеи.

Правда – это трофеи.

Правда – это феи.

Моя мама – фея, она говорит, что все хорошо. Беспокоиться не о чем. Главное – любить друг друга. Но иногда она говорит: *все это плохо кончится.*

Я тоже хотела бы стать феей, когда вырасту. Но фей не существует. Кроме мамы. Так что я, наверное, выучусь на библиотекаря, потому что я обожаю читать, а может, на шарлатанку-психолога, как доктор Ассан. Это было бы неплохо, ведь тогда у меня появятся друзья, которые будут приходить ко мне в кабинет, чтобы поговорить. Во всяком случае, когда я вырасту, я всегда буду доброй с умственно отсталыми и сумасшедшими, как я, ведь я знаю, что у них нет друзей, и от этого им грустно.

Зовут за стол. Надо скорее идти, а не то папа будет злиться, самое главное – не злить папу.

Абигаэль Сейчас

Точность, с какой я буду рассказывать о событиях, известных мне с чужих слов, может навести вас на мысль, что я присочиняю. Однако все, о чем я вам поведаю, правда. В этом я почти уверена. Ну, скажем, на девяносто процентов. Разве только местами добавлю поэтичности сухим фактам, чтобы проще было удержать ваше внимание. Тем не менее моя цель сегодня – докопаться до истины, стараясь не давать волю собственному воображению. На самом деле, я чувствую приближение новой трагедии, особенно с тех пор, как рассказы брата во время его приездов в монастырь дважды в месяц стали сводиться к одной-единственной теме – к Зоэ. Когда он произнес это имя впервые, дурное предчувствие черным вороном опустилось мне на плечо. А недавно, когда Габриэль уходил от меня к ней, он едва ли не улыбался. Мне по-прежнему в такое верится с трудом, но уверяю вас, что говорю правду.

Уточню: Зоэ – это Зоэ Буажоли².

Трудно не запомнить такую миленькую до нелепости фамилию, как Буажоли, особенно зная, что у Габриэля настоящая фобия в отношении всего, связанного с лесом и деревьями. Долгое время после тех похорон лишь одна мысль о весне или вид набухающих почек могли спровоцировать у него ужасные панические атаки.

Так много Габриэль не говорил ни об одном своем любовном романе. Он пытался делать вид, что нынешние отношения, как и прочие, носят несерьезный характер, но тщетно: я видела, как ему хотелось делиться всем, что он знает об этой девушке, в мельчайших подробностях, и чувствовала, какое восторженное волнение она вызывала в нем. Он даже рисовал ее несколько раз. А рисовал Габриэль всегда либо то, на чем был заиклен (меня и сцены из нашего детства), либо то, что его пугало (деревья, лесные чащи) или было необъяснимо для него (Зоэ).

По логике вещей, судьбы Зоэ и Габриэля никогда не должны были пересечься. Их случайной встречей, произошедшей из-за сбоя в системе железнодорожной сигнализации на линии «Б» парижских электричек, вполне можно пополнить длинный список непредвиденных событий, случившихся по вине местного общественного транспорта. Зоэ планировала пообедать со своим лучшим другом Софьяном в седьмом округе, но опоздала на полтора часа. Софьян не смог ее дождаться из-за совещания по представлению бюджета, назначенного на 14:00. Стояла пора школьных каникул, а Зоэ работала учительницей начальных классов. Вот она и решила воспользоваться свободным временем, чтобы прогуляться по этому красивому району Парижа. Зоэ была из тех, кто умеет находить интересные возможности там, где большинство людей видят только злые козни судьбы.

Неожиданно полил сильный холодный дождь, и она заскочила внутрь крошечного книжного магазина, притулившегося на углу мощеной улочки. Едва входная дверь закрылась за ней со звоном колокольчика, как она замерла, встретившись взглядом с маленькой девочкой. Та пристально смотрела на нее огромными глазами: один был зеленый, другой – карий. Стояла она вполоборота. По спине девочки струились голубые перья, и было не разобрать, накидка это, сложенные крылья или всего лишь продолжение ее белокурых волос. На ее правом плече сидела бирюзовая птичка с тонким красным клювом. Колибри. Взгляд девчушки казался невероятно живым, из-за чего Зоэ не сразу сообразила, что смотрит на плакат, рекламирующий книгу. Она прочла напечатанное серебристыми буквами название: «Злоключения Аби Колибри». Ниже был указан автор – Габриэль Манчини. До той поры Зоэ никогда не слышала о моем брате, несмотря на его некоторую известность в мире искусства. Заинтересовав-

² Фр. Boisjoli – красивый лес.

пись, она взяла том в руки. Это был самый успешный на данный момент проект Габриэля: новая книга из серии, отмеченной множеством наград, а ее вдохновительницей была я, пусть никто такой подробности и не знает. В книге рассказывалось о маленькой девочке, которая через зеркала и канализационные люки попадала в какие-то причудливые леса, населенные загадочными существами: полуженщинами-полуцветами, одноглазыми куклами, медузами с замедленными движениями и даже Клеопатрой с синими бабочками вокруг глаз (последняя – мой любимый персонаж). Зоэ завороченно перелистывала страницы. Ее потрясла мрачная, необъяснимая красота текста и иллюстраций. Ни одна книга, ни один фильм или концерт, ни одна увиденная в Лувре или в музее Орсе картина не впечатлили ее так же сильно, как образы, порожденные истерзанным мозгом моего старшего брата. О Габриэле как человеке можно думать что угодно, но как художник он обладает огромным талантом. Это факт. Его картины, графические рисунки и рассказы многократно удостоивались высокой оценки в очень авторитетных телепередачах и газетах. Порой его сравнивали с Дали или Магриттом. Габриэлю удавалось показать детство со всей его беззащитностью и жестокостью. Из тошнотворной грязи, в которой утонули ранние годы нашей жизни, он умудрился создать красоту. Это был вопрос выживания. Зоэ, конечно же, и предположить не могла, что весь этот выдуманный мир, столь богатый и необычный, мог возникнуть на почве страданий и сущего ада.

Из магазина она вышла с книгой Габриэля, потом купила серию «Аби Колибри» целиком, а позже приобрела все, что когда-либо иллюстрировал или о чем писал мой брат: сказки Перро и Андерсена, произведения Эдгара Аллана По, фильмы Хичкока, романы сестер Бронте, легенды Крайнего Севера... Богачкой Зоэ не назовешь, но ни людей, ни вещи она не умела любить вполсилы.

Разглядывая мрачные вселенные, густые, окутанные туманом леса, подводные города или ледяные замки, она по-детски восхищалась, даже несмотря на то, что порой у нее возникало сильное желание взять героиню за руку и утащить подальше от проклятых лесов, вывести к свету и радости, которых достоин каждый ребенок. За это я сразу же полюбила Зоэ, и гораздо сильнее, чем диктовал здравый смысл.

Зоэ никогда не искала в интернете информацию о Габриэле Манчини. Ей всегда казалось, что любой автор, а в данном случае еще и художник, иллюстратор, должен быть либо стариком, либо давно умершим, ну или как минимум вращаться в закрытых кругах, недоступных простым смертным. И очень удивилась, когда владелица книжного, у которой она приобрела полное собрание сочинений Габриэля и с которой завела знакомство (Зоэ заводила знакомство со всеми подряд), предложила ей билет в театр на спектакль «Аби Колибри», где будет присутствовать автор.

– Пригласительный я выиграла в конкурсе книжного издательства, – пояснила она. – Я же поклонница Габриэля Манчини. Но, к сожалению, сегодня у моей старшей дочери показательные выступления по тайскому боксу, и я должна быть там.

Зоэ хваталась за любые возможности, преподносимые ей жизнью, поэтому взяла приглашение и отправилась в театр. Она пришла, когда занавес уже поднимался, а зал погружался в темноту. Первое действие ей не понравилось. В антракте подавали шампанское и микроскопические пирожные на серебряных подносах. Театральный продюсер вместо художника отвечал на вопросы зрителей, раздосадованных тем, что Габриэль не счел нужным появиться на премьере спектакля по его собственному произведению. Зоэ была разочарована постановкой, уступавшей книгам, и чувствовала себя не в своей тарелке. Но жизнь слишком коротка, чтобы тратить время на события, не доставляющие радости, и она ушла.

Темнота уже сгустилась, мокрые тротуары блестели в свете уличных фонарей. У входа в театр стоял какой-то мужчина. Как вы уже, наверное, догадываетесь, это был мой брат, чего Зоэ, разумеется, знать никак не могла. Он стоял в черном длинном элегантном пальто, рас-

стегнутом, несмотря на холод, и курил в полутьме. Не обращая на него внимания, Зоэ достала телефон, чтобы проложить маршрут до ближайшей станции метро.

– На последнее действие не останетесь?

Она удивленно подняла голову и улыбнулась ему (Зоэ всем улыбалась).

– Книги мне очень нравятся, а вот постановкой я разочарована.

Повисло короткое молчание, во время которого Габриэль с любопытством рассматривал ее.

– Но она же близка к оригинальному произведению, разве нет?

– Не думаю.

– И в чем отличие?

Зоэ нахмурила брови.

– Спектакль слишком мрачен, напоминает фильмы Тима Бертона.

Облокотившись на стену, Габриэль выпустил облачко дыма во влажный воздух, чтобы справиться с волнением. Как многие художники, он обладал раздутым эго и одновременно страдал от болезненной неуверенности в себе – парадоксальное сочетание, которое приводит к крайней обидчивости на любое нехвалебное мнение о его творениях. Слишком гордый, он не был готов признать, что безобидное замечание какой-то там незнакомки могло его задеть, однако позволил себе ответить с притворно отстраненным видом:

– На самом деле, «Аби Колибри» рассчитана не на вас.

– Я школьная учительница, и мы с ребятами разбирали на уроках книги из этой серии, в частности ту потрясающую историю, где Аби встречается с Алисой из Страны чудес.

– Я хотел сказать, что вы уже не ребенок. Обычно взрослым Аби не нравится, они не в состоянии ее понять.

– Вот как, и почему же?

Он снова повернулся к ней, и на этот раз она увидела цвет его глаз: в тусклом уличном освещении они были холодного бледно-голубого оттенка.

– Потому что книги такие же «мрачные», выражаясь вашими словами, как и пьеса. От одиночества Аби им не по себе. Книга совсем не поучительная. Аби все время лжет, и ее ложь не имеет никаких последствий, ну или почти никаких, те немногие окружающие ее взрослые в лучшем случае равнодушны к ней, в худшем – недоброжелательны; но так или иначе за подобное отношение к ней они всегда остаются безнаказанными.

Зоэ пожала плечами:

– В книгах атмосфера темная, а не мрачная.

– Мрачная, темная – это одно и то же.

– Во все нет! – распалившись, вскричала Зоэ. – Вы ничего не поняли и, как этот спектакль, искажаете задумку автора! Любая темнота оставляет свету возможность вернуться, поскольку темнота – это неясность, противоположность ясности. А мрак – он мрак и есть. В истории Аби доброта всегда преобладает над злом.

Вся эта ситуация должна была раздражать Габриэля, но удивительным образом страсть, с которой Зоэ защищала его книгу, забавляла его.

Он иронично вскинул бровь:

– И вы можете привести примеры?

– Это ощущается, – убежденно сказала Зоэ. – Свет повсюду, на расстоянии вытянутой руки, как в жизни, и Аби никогда не теряет надежду. Она знает, что однажды выберется из зловещего леса и все закончится благополучно.

Габриэль завороченно, не вынимая сигарету изо рта, изучал Зоэ, будто пытаясь ее понять. Тут открылась дверь театра. Из нее выглянула брюнетка лет сорока с очень короткой стрижкой и в очках с толстой роговой оправой.

– Наконец-то ты пришел, Габриэль! Сейчас начнется второе действие; если помнишь, в антракте ты должен был ответить на вопросы поклонников!

Габриэль неохотно оторвался от стены.

– Именно этим я сейчас и занимался.

Женщина возвела глаза к небу, потом кто-то позвал ее, и она вернулась внутрь.

Зоэ прикрыла рот руками и покраснела.

– Вы Габриэль Манчини. Простите, надеюсь, я вас не обидела.

Он пожал плечами и раздавил окурок башмаком.

– Нет. А вот у вас удивленный вид. Вы представляли меня по-другому?

– Честно? Я думала, что вы старый, уродливый и плохо одетый, – сказала Зоэ и залилась смехом.

Ее искренний задорный смех разлетелся в темноте облаком разноцветных бабочек, и во взгляде Габриэля промелькнуло изумление. В холодном мраке ночи, в котором неизменно пребывал мой брат, Зоэ только что зажгла спичку.

– Не так далеко от правды, – после небольшой паузы ответил он. – В ближайшем будущем я таким стану. Хорошего вечера, мадемуазель.

Он направился было в театр, где ожидавшая его брюнетка в очках набирала на телефоне какое-то сообщение. Но Зоэ решила не упускать возможность и задержала Габриэля, схватив его за руку.

– А не придете ли вы к моим ученикам? Они так любят ваши книги! Кажется, некоторые писатели проводят встречи или мастер-классы в школах и...

– Я пресс-секретарь господина Манчини, – резким тоном прервала ее брюнетка. – Он чрезвычайно загружен и не проводит никаких встреч с читателями. А в школах тем более.

Габриэль, подняв руку, заставил своего пресс-секретаря замолчать, она раздраженно покачала головой и ушла, как будто подобная сцена происходила уже пятьдесят раз с пятьюдесятью разными девушками в пятидесяти разных обстоятельствах, чего, надо сказать, на самом деле не случалось. У моего брата множество недостатков, и он признает их за собой, однако бабником он не был. Габриэль помедлил с ответом, продолжая невозмутимо смотреть на Зоэ. А затем, повинувшись несвойственному ему порыву, взял у нее театральную программку, и в этот момент их руки соприкоснулись. По их окоченевшим на холоде пальцам пробежала чуть заметная волна жара. Он достал из внутреннего кармана фломастер и написал на глянцевой бумаге номер своего телефона.

– Я никогда не провожу встреч в школах, но, если вы захотите как-нибудь вечером выпить со мной по бокальчику, обсудить никчемность моей пьесы или объяснить, что именно я не понимаю в своем собственном произведении, позвоните мне.

Разумеется, Зоэ связалась с ним в тот же вечер.

Кабинет доктора Гарнье

Пятница, 17 часов

- Напоминаю вам, мадам Буажоли: все, что вы здесь скажете, строго конфиденциально.
- ...
- Вы так и не ответили на мой вопрос.
- На какой?
- Ваш партнер уже поднимал на вас руку или он ударил вас впервые?
- Это... да... это правда, порой случается, что он... поддается гневу.
- Что это значит?
- Иногда он теряет контроль... и срывается. Может ударить... Но это не то, о чем вы думаете, честно... Я... Мы... У нас это другое. Знаете, мы любим друг друга до безумия.

Из дневника Абигаэль 1990 год

Люди обычно думают о чем-нибудь одном. Глупо, конечно, но допустим, что это так. Я же из-за своего кью думаю обо всем сразу, поэтому у меня в голове разрастается дерево. Дерево моих мыслей. Новые ветки тянутся во все стороны, иногда одновременно. У меня столько идей, что я уже ничего не понимаю. Иногда мои мысли слишком быстро уносятся в очень темные закоулки, и я не могу их сдержать. Вместо того, чтобы размышлять о чем-то прекрасном, о каких-нибудь хороших вещах, я думаю о всяких гадостях: о войне, болезнях, маринованном луке, о смерти. И тогда я впадаю в печаль так же быстро, как падает камень на дно колодца.

Ненавижу, когда такое происходит. Никто не может меня успокоить. Ни зайчик Альбер, ни Габриэль, ни мама, ни папа, потому что эти несчастья существуют только в моей голове, на самом деле их нет. Но мне все равно от них плохо.

Доктор Ассан говорит, что я научусь с этим справляться, мы вместе приведем в порядок мой мозг, и все будет хорошо. Мне так нравится, когда она говорит: *все будет хорошо*. А вот когда мама говорит: *все будет хорошо*, я не верю, что это правда. Для доктора Ассан правда очень важна, вот почему я ей верю.

Доктор Ассан спросила, не столкнул ли меня с крыши Габриэль. Я ей ответила, что нет, Габриэль сделал мне крылья из туалетной бумаги, проволоки и скотча, чтобы я летала, как птица, а не чтобы ломала себе руки. Я разозлилась, когда она спросила меня про Габриэля. Не знаю почему. Дома я улеглась у лестницы под солнечными лучами, которые проходили через витражное окно, и написала в своей тетрадке, что доктор меня разозлила, хотя она этого и не прочитает. Потом мне полегчало. Это благодаря витражу. В нем есть все, что я люблю: деревья, небо и птицы. Мне хотелось бы жить на небе и смотреть на людей с высоты, и, когда что-то не заладится, я бы улетала.

На небе было бы куда лучше, чем в бойлерной. Когда Габриэль закрывает меня там, он держит ситуацию под контролем. Держать ситуацию под контролем означает, что надо идти в бойлерную прямо сейчас и без возражений. Иначе он разозлится, а я не хочу, чтобы Габриэль злился на меня, как папа – на маму. Мне грустно от этой мысли. Так же грустно, как было, когда он раздавил улитку и я заплакала. Но он это сделал случайно, и мы похоронили ее под яблоней.

Иногда мне хочется рассказать о бойлерной доктору Ассан. Но нельзя. Это наш с Габриэлем маленький секрет. Я прячусь в бойлерной, потому что в ней меня никто не сможет найти. Мне совсем не нравится там сидеть, она такая маленькая, что сто́я не помещаешься, а еще в ней неприятно пахнет и мне там тоскливо. Перед тем как закрыть меня в бойлерной, Габриэль дает мне оплеуху, и я не имею права выходить, пока он не придет за мной и снова не даст оплеуху. Это такая игра. Если я кому-нибудь расскажу о ней, даже маме или папе, то секрет больше не будет секретом, и тогда явится чудище, разорвет меня длинными когтями и съест. Думаю, Габриэль это чудище видел, ведь он уже большой, ему одиннадцать лет. Он говорит: *это наш маленький секрет*. Вот я никому и не рассказываю, даже папе и маме.

Это нормально. У всех есть свои маленькие секреты. Например, я не должна рассказывать доктору Ассан о тех случаях, когда папа бывает злой. Это очень важно. Когда в школе захотели, чтобы я пошла к доктору Ассан, потому что спрыгнула с крыши, папа очень ласково со мной поговорил.

Он сказал, что мадам Дюжарден (это моя учительница, но папа не называет ее мадам Дюжарден, он говорит *эта толстая дура Дюжарден*) заставляет меня ходить к шарлатанке-психологу, чтобы потом к нам домой заявились кое-какие люди и увезли меня подальше от семьи. Хочу ли я жить в другой семье? Никогда больше не видеться с мамой и папой? Нет.

Не хочу. Я очень сильно люблю и маму, и Габриэля, и папу, особенно когда он обнимает меня, потому что я его милая-дорогая-Аби, и когда он покупает мне наклейки со «Спасателями в Австралии»³.

Я должна всегда помнить, что даже если учительница или доктор Ассан добрые, они мне не настоящие подруги. Они притворяются. Вот почему я однажды обозвала мадам Дюжарден дурой.

Директриса сказала, что такое поведение неприемлемо, что я ребенок – просто *воз смутительный*, и должна кому-нибудь показаться. Неважно кому именно. Например, я должна показаться доктору Ассан. Конечно, я постоянно показываюсь на глаза многим людям, но показаться шарлатанке-психологу – дело другое.

В действительности, когда я смотрю на шарлатанку-психолога, пока она мне что-то говорит, смотрю на ее брови, похожие на миленьких серых гусениц, на ее добрую улыбку, у меня внутри начинает светить солнце. И я думаю, что все будет хорошо, ведь жизнь прекрасна. Так тетя Полина всегда говорит: *жизнь прекрасна*. Но мне кажется, все зависит от того, чья именно это жизнь.

С тех пор каждый раз, когда я возвращаюсь от шарлатанки-психолога, папа спрашивает, о чем мы говорили. Потому что нельзя рассказывать о наших семейных историях, ведь никого не касается то, что происходит у нас дома. Пусть люди не суют нос не в свое дело, и все овцы будут целы.

Мне бы, кстати, хотелось, чтобы у нас были овечки. Я бы выбрала одну себе в подружки, назвала бы ее Роберта. Для девочки это имя так себе, а овечке очень даже подойдет.

Папе я отвечаю, что у психолога я рисовала, рассказывала, как по воскресеньям катаюсь на велосипеде, как мы ели блины и как я очень сильно люблю моих папу, маму и старшего брата. О тетрадке, в которой пишу, я папе не говорю. Потому что она только для моей частной жизни.

Я ему не говорю, что со временем стала считать доктора Ассан немножко своей подругой. Я хочу, чтобы папа был доволен. Самое главное – не раздражать его. Это мама так говорит. Иначе все плохо кончится.

Я говорю папе, что не рассказывала доктору Ассан о ссорах, и тогда он говорит: *очень хорошо, ты ж моя маленькая принцесса, ты очень умная, этим ты пошла в своего папу. Ты станешь первой женщиной, ступившей на Луну, ты станешь той, кто спасет мир в случае апокалипсиса* (это так конец света называется), *я очень тобой горжусь!*

Эти слова такие же сладкие, как печенюшка с клубничным джемом, которую он мне потом дает. Иногда, если я правильно отвечаю, он даже шутит за ужином, а еще говорит маме, что еда получилась очень вкусной, и спрашивает, с чем была запеканка. А мама улыбается так же, как когда слушает самую прекрасную песню на свете.

И вот, чтобы мы все четверо были счастливые, чтобы папа не злился, я в кабинете доктора Ассан придумываю всякие истории. Придумываю их в своей голове, когда рассказываю о других детях в школе, о Габриэле и о маме.

Доктор Ассан говорит: *хорошо, Абигаэль, только это не проясняет, почему ты прыгнула с крыши и почему продолжаешь играть со спичками, хотя в школе это запрещено*.

Я говорю, что не помню, что это из-за камней зия на фоне трав матического среза.

Она мне верит и улыбается, и глаза у нее делаются добрые-добрые.

Красивые истории хороши тем, что своей красотой они закрывают гадкие вещи, это как упаковать большую собачью какашку в золотистую оберточную бумагу. И будет казаться, что внутри суперский подарок.

³ Американский мультипликационный фильм 1990 года.

Абигаэль Сейчас

На рассвете, как только колокола прозвонили лауды⁴, ко мне пришла сестра Мари-Клотильда. Подозреваю, что она навещает меня исключительно в те дни, когда несет тяжелое для себя послушание – готовит завтрак, но я ее не упрекаю за это. Ее воротит от запаха мерзкой каши, какую подают в трапезной. Уточню, что раньше сестру Мари-Клотильду звали Дженни-фер Мутар, и с двадцати до сорока четырех лет она работала в одном из баров у площади Пигаль стриптизершей под псевдонимом Секси Дженни. Долгие годы она ложилась спать в тот час, в который теперь вынуждена вставать. Словом, она не ранняя пташка, и винить ее в этом трудно. Мне очень нравится сестра Мари-Клотильда по прозвищу Секси Дженни, нравится, что при постриге она взяла себе королевское имя⁵. Это все же веселее, чем назваться в честь какой-нибудь святой, замученной до смерти в пятнадцать лет, как сделала, например, сестра Бландина, чье благоговение перед муками меня ужасает. Если я в чем-то и уверена, так это в том, что нет ничего, абсолютно ничего возвышенного в человеческом страдании.

Как я поняла, сестра Бландина занималась мной, только когда наступала ее очередь или когда ей хотелось удостовериться, что на планете существуют люди несчастнее, чем она. Она тоже всегда была убеждена в моем безумии. В любом случае безумие – понятие относительное. Напомню вам, еще совсем недавно сумасшедшими считались те, кто утверждал, что Земля круглая. По правде говоря, иногда мой мозг на полном ходу выдает невероятные ассоциации, которые могут обескуражить людей косных взглядов. Мысли в моей голове разрастаются наподобие черных ветвей, образующих бесконечные переплетения на фоне белесого зимнего неба. Чем больше мы удаляемся от отправной точки, тем труднее мне сдерживать расплывающиеся побеги, которые дwoятся, множатся и в результате создают столь сложную картину, что в ней ничего не понять. Но теперь я с этим прекрасно справляюсь. Я придавливаю разрастающееся у меня в голове дерево крышкой от мусорного бака, она ходит ходуном, когда появляются новые ветви и пытаются выбраться наружу, но не поддается. Я душу свои думы, как душат котят, сунув их в холщовый мешок. Так что у меня остаются лишь зачатки мыслей и обрывки воспоминаний. Отсюда и мои провалы в памяти. Наверное, все это кажется вам странным, но я не сумасшедшая, мое состояние не имеет ничего общего с сумасшествием. Просто я дала обет молчания и за двадцать семь лет не произнесла ни единого слова. Разве может быть безумным тот, кто не говорит вовсе?

Сестра Мари-Клотильда никаких ярлыков на меня не навешивает. Заядлая курильщица в молодости, предпочитавшая крепкие сигареты «Голуаз», она своим хриплым голосом рассказывает мне совершенно неуместные здесь анекдоты, посмеиваясь себе под нос, клянет Бога последними словами за никчемность этого мира. Мне нравится смотреть, как она ходит, покачивая бедрами, будто на ней до сих пор туфли на пятнадцатисантиметровых каблуках с блестками, а не стоптанные башмаки. То, как она непроизвольно скрещивает ноги, когда садится, или расправляет плечи, выпячивая силиконовую грудь, меня восхищает, а мать-настоятельница при виде такого в ужасе округляет глаза. Мари-Клотильда – одна из немногих, даже, пожалуй, единственная, если не считать моего брата, кто говорит со мной, несмотря на мой обет молчания. Покидая меня, она обычно повторяет:

– Абигаэль, детка, не беспокойся, я каждый день молюсь за тебя!

Толку от ее молитв нет совершенно никакого, но, когда она рядом, мне не так одиноко.

⁴ Утреннее богослужение у католиков.

⁵ Имеется в виду Мария Клотильда Французская (1759–1802), принцесса из династии Бурбонов.

Впрочем, вернемся к моему брату, вернее, к Зоэ Буажоли.

Габриэль говорил о Зоэ постоянно. Вскоре об этой девушке мне было известно все до мельчайших подробностей, хотя я никогда с ней не встречалась, она же не знала обо мне ничего, кроме небылиц, которые Габриэль наверняка ей рассказывал.

Если вкратце, Зоэ была полной противоположностью Габриэля. Ничто не предвещало их любви, и надо признать, в том, как зародилось их чувство, есть что-то романтическое. Возможно, существует какой-то основополагающий закон вселенной, согласно которому свет и тьма вечно стремятся слиться воедино. Так или иначе, вскоре я увидела в Зоэ радикальный способ отдалить от себя Габриэля, и такая перспектива озаряла радость мои дни.

Так кто же на самом деле эта Зоэ Буажоли? Вот что я могу вам о ней рассказать: в ее детской медицинской карте на странице, куда заносят рост и вес ребенка, ее физические параметры неизменно оказывались четко посередине диапазона нормы. Зоэ всегда была в середнячках по весу, росту, успеваемости в школе, по размеру обуви, по своим спортивным и музыкальным способностям. Она из семьи среднего класса; ее родители, Жюли и Реми Буажоли, – среднестатистические французы, которые, судя по всему, прекрасно воспитали двух дочерей в атмосфере любви, доверительных бесед и открытости суждений. Они из тех родителей, кто наделяет ребенка крыльями, а не обрубает их. Сестру Зоэ зовут Алина. Между своими декретными отпусками она работает директором по маркетингу в ведущей косметической компании Франции. К Алине, чья роль в этой истории приобрела неожиданный для меня масштаб, я еще вернусь, а сейчас попробую сосредоточиться на главном.

В детстве и юности Зоэ была мечтательной и серьезной, честолюбивых планов не вынашивала – избежала этой роковой ошибки, в отличие от сестры. Каштановые волосы средней длины, светло-карие глаза – без макияжа Зоэ выглядит простовато, но, когда подкрасится, собираясь в ночной клуб с друзьями, выглядит вполне миловидно. На первый взгляд, в ней нет ничего примечательного, не считая определенного чувства ритма, проявляющегося в танце, и безмерной доброты. Однако фея, склонившись над ее колыбелькой, наделила девочку редким бесценным даром, который собеседники Зоэ открывают для себя уже через несколько минут разговора и который так удивил Габриэля: с самого раннего детства она в совершенстве владела искусством всегда оставаться в радостном расположении духа. Возможно, Зоэ страстно любила жизнь из-за того, что едва не умерла при рождении: она появилась на свет посиневшей, с обвившейся вокруг шеи пуповиной, и врачам пришлось ее реанимировать. Ей было дорого каждое мгновение жизни, как последняя ложечка шоколадного мусса из креманки. Смеяться она начала через две недели после рождения и так, смеясь, провела большую часть детства, словно ее земной путь был сплошной чередой веселых дурачеств, перемежающихся с потрясающими открытиями этого мира.

Габриэля особенно поражала способность Зоэ чувствовать себя счастливой не благодаря внешним обстоятельствам, а вопреки им. Сам он, разумеется, был напрочь лишен такого дара. Для Зоэ счастье – это не временное состояние или преходящее ощущение. Оно, похоже, составляло часть ее личности, было записано в ее ДНК, наравне с цветом волос или милой родинкой над левым уголком ее губ.

Радостью полнится каждый жест Зоэ, каждая улыбка, радость так и разливается возле нее теплым летним дождем. Опустевший на три четверти стакан Зоэ считает полным и в любой ситуации, какой бы страшной она ни была, умудряется увидеть что-то положительное, а в самых мрачных людях умеет разглядеть их выдающиеся качества. Она прекрасно знает о катастрофическом состоянии этого мира, о войнах, бедности, о проблеме разобщенности и одиночества в современном обществе, о глобальном потеплении, однако так радуется своему везению иметь крышу над головой, жить в мирной стране, быть здоровой, что каждый день превращается для нее в особый драгоценный подарок. Любую проблему можно решить, неудачи – это лишь этапы на пути к успеху, время лечит всякую боль, никакое несчастье не длится

вечно. Бабушка Зоэ, наблюдая за тем, как внучке удастся вернуть улыбки и мягкость самым угрюмым людям, частенько говаривала ей: «Малышка моя, с самого рождения ты наделена умением жить полной жизнью».

Впрочем, не подумайте, что у Зоэ все было всегда легко и гладко. Как любому человеку, ей доводилось переживать трагедии и психологические травмы. Например, в пятнадцать лет, когда она ехала в школу на велосипеде, задрала голову и закрыв глаза, чтобы насладиться ароматом цветущего жасмина, и все ее мысли были заняты мальчиком, с которым накануне она впервые в жизни поцеловалась, ее сбил грузовик, доставляющий товары из «Леруа Мерлен». Три дня она провела в коме, а потом два года – в инвалидном кресле. Возлюбленный Зоэ бросил ее, сообщив об этом единственной эсэмэской, которую набрал на своем Nokia 3310, максимально сокращая слова. По-видимому, посчитал разбитое сердце Зоэ недостаточным поводом для того, чтобы выйти за пределы одного сообщения длиной сто шестьдесят знаков и израсходовать еще одно из общего количества включенных в тариф. Он даже ни разу не навестил ее в больницу.

От такого потрясения трудно оправиться. Зоэ могла бы озлобиться, потерять веру в людей, впасть в депрессию, жить в постоянном страхе, как бы подобное не повторилось, или до конца своих дней сожалеть о потерянной юности, ведь в свои лучшие годы она потеряла способность передвигаться самостоятельно. Но Зоэ, напротив, была невероятно благодарна судьбе за то, что осталась жива, хотя могла умереть: сделала себе под лопаткой татуировку со словами «Жизнь прекрасна» и ринулась в эту самую жизнь с удвоенной силой.

Другой пример: в девятнадцатилетнем возрасте у нее обнаружили редкую врожденную аномалию маточных труб, спровоцированную гормональными нарушениями. Гинеколог был категоричен: шанс, что ее организм произведет жизнеспособную яйцеклетку, которая преодолет непроходимость маточных труб и закрепится в матке, составляет один к тысяче. А может, и один к десяти тысячам – деталь, которую, как и все печальное, Зоэ не стала упоминать, рассказывая о своей проблеме Габриэлю. Бесспорным было одно: Зоэ, которая заботилась обо всех детях в квартале, угощала их блинами на Сретение Господне, утирала им слезы, всегда принимая близко к сердцу их детские печали, сама никогда не забеременеет. В этот раз ей не удалось толком увернуться от жесткого апперкота, нанесенного жизнью. Несколько дней она провалилась на полу, оплакивая то, чему не суждено случиться, а потом взяла бумагу, карандаш и составила список преимуществ своего печального положения: крайне редкие месячные, всевозможные путешествия, никаких контрацептивов, никаких подгузников, никакой усталости, ничем не ограниченная возможность волонтерить по выходным на раздаче бесплатной еды бедным, короче, право на беззаботную, абсолютно свободную жизнь.

Сформулировав эти доводы, она смирилась и приняла свое бесплодие как единственную неудачную карту в большой игре жизни, зато благодаря этой карте нашла призвание: услышав от гинеколога о своем роковом диагнозе, Зоэ решила стать учительницей начальных классов. Эту профессию она считала лучшей в мире. Вооружившись добротой, терпением и оптимизмом, Зоэ изо дня в день трудилась в маленькой школе в пригороде Парижа и была из тех действительно особенных учителей, каких помнят всю жизнь. Ученики бесконечно ее обожали, ничто не доставляло Зоэ большего счастья, чем детский смех, чем нежная ладошка в ее руке, чем рисунки и всякие непонятные поделки из соленого теста, которые они постоянно ей дарили. Выбрасывать их она не решалась, и они копились в ее квартирке в мансардном этаже дома на Райской улице, постепенно превращая жилище в музей детского искусства.

С восемнадцати лет Зоэ, влекомая жадой жизни, каждое лето отправлялась с рюкзаком за плечами в далекие края. Она была просто не способна устоять перед перспективой маячивших на горизонте приключений, новой встречи или какого-нибудь открытия. И воображение Габриэля притягивало ее, словно некая новая территория, которую надо исследовать. Она влюбилась в него подобно тому, как падают с лестницы, то есть случайно.

Как вы понимаете, не любить Зоэ было нельзя. Стоило ей войти в комнату – и все вокруг озарялось светом. Мне любой ценой хотелось уберечь ее от страданий, которые мог принести мой брат. С другой стороны, у меня не получалось отделаться от мысли, что она и только она способна изменить Габриэля. И потому я желала, чтобы их роман продолжался, чтобы любовь восторжествовала над всем: над мрачной стороной личности моего брата, над его яростью, неврозами, страхами и депрессивными состояниями, и особенно над нашим детством. Да, я такая, я верю в людей и хочу верить в чудо. Это мой самый большой недостаток.

Кабинет доктора Гарнье

Пятница, 17 часов

– Мадам Буажоли?

– Да.

– Добрый день, ваша очередь, проходите.

Моя новая пациентка поднимается с места, улыбаясь. Ее красивая и, похоже, искренняя улыбка вдруг напомнила мне улыбку моей дочери Корали, которая позвонила на прошлой неделе из Сиднея и объявила, что выходит замуж за своего австралийского друга. Как бы я за нее ни радовался, внутренне я все же надеялся, что она не станет строить свою жизнь на другом конце света. Хотя неожиданностью такое ее решение для меня не стало. В детстве Корали хотела быть пиратом и отмечала булавками на карте в своей комнате страны, куда мечтала однажды отправиться. Не надо быть психологом, чтобы считать этот месседж.

Женщина, которую я приглашаю в свой кабинет, должно быть, старше моей дочери на несколько лет. На первый взгляд она кажется расслабленной, милой и уверенной в себе. Время нашей встречи она забронировала по электронной почте более двух недель назад. Она хотела, чтобы я принял ее непременно в пятницу в 17 часов. Она очень занятой человек, и это единственно возможное для нее окно. Я пытался переадресовать ее к Деборе, с которой делю кабинет, поскольку больше не работаю по пятницам и уж тем более после 17 часов. Дебора повесила у двери табличку со своим именем совсем недавно и, в отличие от меня, фонтанировала энтузиазмом, заваливая зал ожидания флаерами с информацией о современных, порой нелепых, психологических практиках. Мне же, за несколько месяцев до пенсии, было чем заняться и без новых пациентов, путающих мой кабинет с маникюрным салоном.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Я закрываю за ней дверь. Она в нерешительности спрашивает:

– На диванчик?

Я добродушно улыбаюсь. Возможно, она не так уж уверена в себе, как кажется.

– Куда вам угодно.

После моего ответа на ее электронное письмо прошло две недели, а она так и не записалась к Деборе. Поэтому утром, выгуляв Зигмунда и Карла, своих мальтийских болонок, я написал ей, что сегодня буду у себя в кабинете и жду ее в 17 часов. Не знаю, почему я так поступил. Вероятно, интуитивно почувствовал, что это может быть важно. Но, если честно, теперь, когда я увидел ее улыбку как у фарфоровой куклы и платье в цветочек, мне кажется, что я совершил ошибку. Наверняка это какая-то столичная штучка, страдающая от выгорания, которой было бы комфортнее общаться с кем-нибудь более близким по возрасту. По завершении сеанса я снова попробую перенаправить ее к своей коллеге. Уверен, они прекрасно поладят, и она сможет записываться на прием через сайт *Doctolib*.

Немного поколебавшись, она выбирает кресло рядом с окном, подальше от меня, как подростки, которых заставляют сюда ходить родители. Она машинально складывает руки на коленях и начинает большим пальцем одной руки поглаживать ладонь другой. Рефлекторные движения, помогающие успокоиться. Маникюр не скрывает обгрызенных заусенцев вокруг ногтей. У нее такая милая фамилия – Буажоли, и подходит ей идеально. С преувеличенным интересом она оглядывает мой стол, открытую тетрадь на нем, диктофон, детский уголок с игрушками и книгами, мой диплом на стене.

Я сажусь и складываю руки на животе. Знаю, джемпер в ромбик и галстук придают мне вид благодушного старичка, и порой я намеренно таким представляюсь – людям так проще мне довериться.

– Как у вас дела?

Она прекращает рассматривать кабинет и пристально глядит на меня, удивленная вопросом.

– Очень хорошо, спасибо.

Она ответила так вежливо, будто булочнику. Руку даю на отсечение – порог психиатра она переступила впервые. Тут я вспоминаю, что забыл купить замороженную лазанью, а магазин уже будет закрыт, когда я отсюда выйду. Я не реагирую на ее реплику – и она понимает, что мой вопрос не был риторическим.

– Ну... Думаю, у меня все как у всех... Не знаю... Но спасибо, что спросили.

Я снова выдерживаю паузу. Ей некомфортно от этого, но тем не менее она ничем ее не заполняет. Тогда я продолжаю:

– Не расскажете ли, из-за чего вы здесь?

Она коротко рассмеялась и стала понемногу расслабляться. Этот вопрос она ожидала и заранее заготовила на него ответ.

– Честно говоря, я не думаю, что мне нужен психолог.

– Психиатр.

– Да, простите, психиатр. Один мой друг в какой-то мере принудил меня пойти сюда, и вот я здесь.

– Принудил? В каком смысле?

– Ну, либо я иду сюда, либо он подает заявление в полицию, так что выбора он мне, можно сказать, не оставил.

Такого я не ожидал. Улыбка, платье в цветочек, оживленный взгляд – ничто в ней не взывало о помощи, не кричало о необходимости обратиться с заявлением в полицию. Я редко ошибаюсь, глядя на пациента, а вот ее личность неверно считал. Возможно, я инстинктивно приписал ей черты характера своей дочери из-за их внешнего сходства. Я скрываю свое удивление, несколько секунд размышляю, а потом отвечаю максимально нейтральным тоном:

– Хорошо. Прежде всего я хочу, чтобы вы поняли: вы не обязаны со мной разговаривать, и, если пожелаете сейчас уйти, я с вас денег за сеанс не возьму.

Я мысленно считаю до трех, а потом, поскольку она не уходит, продолжаю говорить:

– Итак, мадам Буажоли, мне хотелось бы узнать, чем ваш друг настолько встревожен, что грозит обратиться за помощью в полицию.

Она снова смеется. Ее приятный смех звучит невероятно чисто, и, учитывая совсем не веселую ситуацию, я начинаю беспокоиться.

– Это забавно... Нет, правда... Он думает, что я подвергаюсь побоям.

К концу фразы ее голос потух, а последние два слова она прошептала, будто боялась, что ее кто-нибудь услышит.

– Вы подвергаетесь побоям – это его или ваша формулировка?

– Я не помню в точности, как он сказал. Возможно, другими словами, но он имел в виду именно это.

– Ладно. И что, он ошибается?

– Конечно, ошибается!

Она делает грациозный жест рукой, будто отгоняя муху. То, что ее друг якобы без всякой причины собирается сдать ее партнера полиции, обвинив его в домашнем насилии, ей кажется, видимо, досадной помехой – из тех, с которыми периодически сталкивается каждый, типа замены документов или потери перчаток.

Она могла бы солгать другу: записаться на сеанс и в последний момент его отменить. Однако она пришла и теперь отвечает на мои вопросы. Почему? Может, подсознательно понимает, что нуждается в помощи? Так или иначе, меня не оставляет ощущение, что сделай я неверный шаг – она уйдет и не вернется. Это спасло бы мой вечер за лазаньей перед телеви-

зором с Зигмундом и Карлом, но интересы пациентов я всегда ставил выше своих. И за это меня частенько упрекает дочь.

Достав клетчатый носовой платок, я протираю очки. Старый прием, позволяющий выиграть некоторое время, чтобы поразмыслить, делая вид, что контролируешь ситуацию.

– Так почему бы вам не позволить другу обратиться в полицию? Существует множество примеров, когда заявлениям с реальными фактами домашнего насилия не дают ход. Мне кажется, вряд ли полиция заинтересуется вашим случаем, если скажете, что ваш партнер никогда не поднимал на вас руку. Вы так не думаете?

– Возможно. Но никогда не знаешь... Мне бы не хотелось рисковать.

Значит, *риск* все же есть. Она теребит свои часы, хмурит брови и поглядывает в окно, смущаясь того, что не может скрыть своего беспокойства.

– Это... Это правда... Иногда он выходит из себя. Я не хочу... Некоторые моменты можно неверно истолковать.

– Например?

Она пожимает плечами и снова смеется. Но на этот раз ее смех звучит невесело.

– Однажды во время нашей ссоры я ударилась об угол кухонного стола и оказалась в больнице со сломанным ребром. Я вообще неуклюжая и часто падаю.

Я вспомнил свою школьную учительницу французского. Это была добрая, интеллигентная женщина, любящая свою работу. И она постоянно падала с велосипеда или с лестницы, поскользнулась в душе, ударялась о дверцу шкафа, спотыкалась на тротуаре, запинаясь о ковер. Стоя у школьной доски, она смеялась над своей неуклюжестью, прятала синяки за солнцезащитными очками и все ждала того дня, когда у нее начнется нормальная жизнь. Ее так и прозвали – мадам Неуклюжесть. Это было... сколько же лет назад? Больше пятидесяти. Тогда я был мальчишкой, и до сегодняшнего дня мне в голову не приходило, что каждый вечер она возвращалась домой к тому, кто наверняка помогал ей падать.

Я поправляю съехавшие на нос очки:

– И ваш друг думает, что ребро вам сломал ваш мужчина, так?

– Да... Я по глупости сказала, что он меня слегка толкнул, ничего особенного, он совершенно не специально.

– Могли бы вы рассказать мне об этом подробнее?

– Мы... мы ссорились, он захотел выйти из кухни и оттолкнул меня, проходя мимо.

Я вскидываю брови:

– Оттолкнул с такой силой, что вы упали и сломали ребро об угол кухонного стола?

Она начинает быстрее водить пальцем по ладони. Разговор смущает ее все больше.

– Я тогда немного выпила и потеряла равновесие. Сама виновата, я сильно взбесила его, и он толкнул меня, но он не хотел, чтобы я упала. Потом он сразу отвез меня в больницу. Бедняга, он был в таком ужасе! Подобные случаи могут неправильно истолковать, особенно теперь, когда мужчин обвиняют во всех грехах мира.

Улыбаясь, она ждет моего одобрения. Вот почему она отказалась записываться к Деборе и настаивала на встрече именно со мной. Подумала, что такой старый хрыч, как я, найдет оправдания ее партнеру и не станет заваривать кашу из-за тумачков, которые тот время от времени ей отвешивает. Возможно, она даже надеялась, что я успокою ее, поглажу по голове, скажу, мол, ее дело и выведенного яйца не стоит. Подумаешь, сломанное ребрышко! Такое случается, к тому же у нее есть двадцать три других, в прекрасном состоянии.

Это глубоко оскорбительно, и раз уж меня принимают за отсталого болвана, не лучше бы мне пойти за лазаньей, пока супермаркет не закрылся. Но всю свою сорокалетнюю карьеру я питал слабость к пациентам, которые не хотели, чтобы им помогали.

Улыбнувшись ей по-доброму, будто все не так страшно и никакой трагедии в ее жизни нет, я ровным тоном спрашиваю:

– Это был первый случай, когда ваш партнер поднял на вас руку?

Она пожимает плечами.

– Какие сразу громкие слова... Он меня *оттолкнул*.

– Поймите, здесь вы можете говорить свободно, здесь никто вас не осудит, что бы вы ни пожелали сказать. Даже необязательно упоминать его имя. Если не захотите отвечать на какой-нибудь вопрос, просто скажите об этом, я настаивать не буду. Но здесь у вас есть возможность проговорить ваши соображения вслух, и в следующий раз, когда ваш друг встревожится и захочет обратиться в полицию, вы сможете внятно объяснить ему ситуацию.

Она хмурится.

– Проблема, пожалуй, в том, что у него было очень непростое детство, вот он и... он...

– Продолжайте.

– Я не буду называть его имя, ладно? Пусть оно останется неизвестным. Я живу здесь поблизости, и кто знает...

– Напоминаю, что я связан профессиональной тайной, мадам Буажоли.

– ...

– Вы не ответили на мой вопрос.

– На какой?

– Ваш партнер раньше поднимал на вас руку, или это произошло впервые?

Пациентка прекращает поглаживать ладонь. Колеблется с ответом. С одной стороны, ей отчаянно хочется все рассказать, почувствовать себя менее одинокой, признаться; с другой – она понимает, что надо помалкивать, ведь стоит открыться, начать изливать душу, и пути назад не будет.

Она защищает не только мужчину, сломавшего ей ребро. Она защищает себя, свои иллюзии, не хочет, чтобы я своим взглядом со стороны разрушил ее представления об их отношениях, об их любви. Поэтому, хотя мне и противно произносить слова, которые она может воспринять как оправдание насилия со стороны ее партнера, я все же тихо говорю:

– Тем, кто рос в непростых условиях, бывает трудно сдерживать свой гнев.

Она с облегчением поднимает голову.

– Да, ему это очень трудно дается, – подтверждает она. – У него было кошмарное, безрадостное детство.

Когда она говорит о нем, в ее голосе появляется материнская нежность, от упоминания о страданиях любимого человека на ее глаза наворачиваются слезы. Больше всего я ненавижу тех, кто манипулирует другими, пользуясь их сочувствием и добротой.

Вздыхнув, она тихо, почти про себя, добавляет:

– Такое... такое, действительно, случается. Иногда он... позволяет своему гневу выплеснуться.

– Что вы имеете в виду?

Она обеспокоенно смотрит на меня, внезапно осознав, в чем только что призналась. Я тяну паузу, во время которой она никак не может решиться продолжить, украдкой поглядывает на дверь, будто в любой момент там может появиться он.

– Иногда... Иногда он теряет контроль. Его заносит. И он может ударить. Но на самом деле это не то, что вы думаете. У меня... У нас все по-другому. Знаете, мы же любим друг друга до безумия.

До безумия. Делаю вид, что не замечаю это слово. Слишком рано. Лучше не форсировать события.

– А как вы влюбились друг в друга?

Она рассказывает об их знакомстве, об идиллии первых месяцев. Рисует крайне лестный портрет мужчины, с которым делит свою жизнь, будто его положительные качества смогут перекрыть тот факт, что из-за него она попала в больницу. Глаза сияют от любви и восхи-

щения, улыбка передает всю радость от всплывающих воспоминаний, а ведь эту радость ей приходится постоянно воскрешать в себе, чтобы оправдывать его поведение, компенсировать боль, которую он ей причиняет. Я слушаю, стараясь не перебивать без особой надобности, но вдруг она поднимается, будто мы исчерпали тему.

– Час уже прошел, консультация же длится час?

Я киваю. За свою карьеру я повидал всякое, но тем не менее мне трудно понять, как она может выглядеть такой беззаботной, собираясь возвращаться домой, к мужчине, способному во время ссоры сломать ей ребро.

– И что теперь? – спрашивает она. – Я расплачусь с вами и могу идти?

Я не беру новых пациентов, не принимаю по пятницам, и работа с пострадавшими от домашнего насилия далека от моей специализации. К тому же, врач рекомендовал мне сбавить обороты из-за повышенного давления и уровня холестерина. Но тут я вспоминаю о Корали, своей двадцатидевятилетней малышке, она сейчас одна на другом конце света и собирается выйти замуж за человека, которого я видел только раз. А ведь у сидящей напротив меня женщины, подумалось мне, тоже есть где-то отец и мать, и они наверняка хотели бы, чтобы кто-нибудь протянул руку помощи их дочери, если у них самих такой возможности нет. Тогда я хватаю свой еженедельник, перелистываю страницу и, не глядя на пациентку, говорю:

– На следующей неделе в тот же день и в то же время?

Не дожидаясь ответа, я неразборчивым почерком пишу в пустой графе, отведенной под пятницу, «Буажоли, 17:00», в надежде, что у этой женщины найдутся силы не отказаться от сеанса и не отменить его потом. Возможно, из вежливости или из инстинкта самосохранения.

Абигаэль Сейчас

Для первого свидания с Габриэлем Зоэ выбрала квартал Монторгёй. Ей нравится здешняя бурлящая атмосфера, узкие пешеходные улочки, шербатые мостовые. Зоэ ездит только на велосипеде, метро ненавидит и спускается туда лишь в случае крайней необходимости. Мне кажется, из-за удушья, которое она испытала при рождении, у нее развилась своего рода клаустрофобия. Она не терпит ничего на своей шее. Шарфы не носит даже зимой, и никто из близких не рискует дарить ей бусы или шейные платки. Да и вообще, Зоэ не понимает, как можно передвигаться под землей, когда на ее поверхности раскинулся прекраснейший город мира, и в этом она абсолютно права.

Чуть поколебавшись, она все же остановила свой выбор на красном платье, которое несколько лет назад ей отдала сестра, и на оранжевых с черным кроссовках. Сочетание так себе, но Зоэ ненавидит туфли на каблуках, как и все прочее, что стесняет ее движения.

Улица Монторгёй встретила ее мокрой мостовой, заваленной обломками ящиков и раздавленными фруктами, оставшимися после окончания работы рынка, который разворачивается здесь каждый четверг по утрам. Зоэ не подумала о том, что Габриэль, успешный художник, наверняка привык к шикарным барам Левого берега, где подают шампанское в фужерах. Она сама ему позвонила и сама выбрала время и место для их первого свидания, назвав адрес, первым пришедший ей на ум, – адрес пивного бара, где она иногда бывала со своим другом Софьяном. Заведение располагалось в центре города, «счастливые часы» в нем могли длиться аж до девяти вечера, и вообще там милый хозяин. Для нее это было важнее всех бокалов шампанского в мире.

Вероятно, Зоэ опоздала; во всяком случае, когда она припарковала велосипед перед окнами ресторанчика, Габриэль был уже внутри. Зоэ сразу же заприметила моего брата, потому что в баре, полном завсегдатаев, туристов и компаний сослуживцев, заглянувших туда после работы, он единственный сидел с книгой в руках. Одет он был проще, чем тогда у театра. В темно-синих прямых джинсах и в коричневой кожаной куртке-бомбере он выглядел менее чопорно, чем в прошлый раз в элегантном черном пальто, в котором он производил неизгладимое впечатление на особ противоположного пола. Не отрываясь от чтения, он машинально разорвал пакетик сахара, прилегающий к уже почти выпитому эспрессо. Зная Габриэля с его утонченным вкусом, предположу, что эту сцену он спланировал заранее, но давайте сделаем вид, будто мы поверили в произвольность его жеста.

Зоэ ненадолго задержалась у своего велосипеда, чтобы понаблюдать за Габриэлем. Взгляд его светлых глаз бегал по строчкам, и было непонятно, нравится ему то, что он читает, или нет. Наверняка Зоэ задавалась вопросом, как человек с таким бесстрастным лицом может обладать столь богатым воображением.

У каждого из нас есть внутренний голос, предупреждающий об опасности. Своего рода шестое чувство, формировавшееся веками, которое мы научились подавлять, а напрасно. И когда Зоэ взглянула на Габриэля, внутренний голос, я уверена, прошептал ей, что каким бы обаятельным ни казался мой брат, от него будут одни проблемы. Но Зоэ всегда была верна себе, то есть оставалась оптимисткой, как девушка в одной из песен Жан-Жака Гольдмана⁶, и к внутреннему голосу она, похоже, не прислушалась.

⁶ Имеется в виду песня Жан-Жака Гольдмана «Все было сказано» (*фр.* Tout était dit), в которой поется о том, как мужчина наблюдает за незнакомкой в кафе, за ее жестами, мимикой, и чем дольше он смотрит на нее, тем больше о ней узнает.

Габриэль поднял голову и сквозь капли дождя на окне увидел Зоэ, их взгляды встретились. От ее улыбки Габриэль так и застыл. Я очень романтична, и мне хочется верить, что именно в это мгновение, пусть их встреча и не была первой, они испытали тот самый удар молнии или хотя бы почувствовали, ладно, без всяких искр, некую необъяснимую связь. Связь, которая была им предначертана судьбой, возможно, задолго до их встречи, возможно, до их рождения, и которая привела Зоэ тогда в книжный, а потом и в театр. Вероятно, вы подумаете, что меня начинает куда-то заносить, но я знаю наверняка: они не могли не встретиться, это было предопределено свыше. Такая уверенность накрепко засела во мне, – уж не знаю, откуда она взялась, как и не понимаю, откуда время от времени у меня появляется информация об определенных фактах, связанных с моим старшим братом, о которых я знать вроде бы не должна. Так что все мои усилия отдалить его от себя оказались тщетны. Незримый контакт между нами будет всегда. Как и в детстве, когда я завершала начатые им фразы или предвосхищала ответами еще не заданные вопросы, я чувствую то, что чувствует он, вне зависимости от дистанции между нами, какую я пытаюсь держать. Узы, связывающие людей с детства, никогда не рвутся до конца.

Зоэ толкнула дверь, и, пока она шла к столику Габриэля, он не сводил с нее глаз. Она и сама была не в силах отвернуться, двигалась, словно замороженная его взглядом. Никакого смущения она не испытывала, поскольку не сомневалась: эмоции, которые захлестывали ее в тот момент, слишком сильны и не могли не быть взаимными. Зоэ села напротив Габриэля, и тот заметил:

– Ты не решалась войти.

Это было скорее утверждение, чем вопрос. Зоэ, по своему обыкновению, улыбнулась.

– Не знаю, наверное... я не была уверена, что наш роман – хорошая идея.

Удивленный ее откровенностью, он вскинул брови:

– Наш роман? А у нас роман?

– Роман, который может начаться.

Ее простота и абсолютное прямодушие обескуражили его, однако он выдержал взгляд Зоэ и протянул ей меню.

– Что будешь пить?

Пробежав взглядом страницу с напитками, она ответила:

– Джин-тоник. А ты?

– Колу.

– Не пьешь алкоголь?

Он пожал плечами:

– Нет, никогда.

Несмотря на то, что неприятие алкоголя со стороны человека творческой профессии Зоэ удивило, о причине этого она расспрашивать не стала. А следовало бы. Возможно, в тот момент, под воздействием эмоций, он признался бы ей, что боится потерять контроль над своими внутренними бесами.

Они проговорили до двух часов ночи. Зоэ поведала ему всю свою жизнь: о пуповине, обмотавшейся вокруг ее шеи в утробе матери, о несчастном случае в пятнадцать лет и об инвалидном кресле, о сестре Алине – успешной деловой женщине – и о своих маленьких подопечных. Конечно, она заметила, что о себе Габриэль не рассказывает, а на ее вопросы отвечает уклончиво, кратко, общими фразами. Единственное, о чем ей тогда удалось узнать из более-менее личного, это о его намерении никогда не жениться и не иметь детей. Он сказал, что не верит в общепринятую модель семейной жизни. Не знаю, сделал ли он это, потому что хотел быть честным перед ней и избежать возможных упреков в будущем, или желал отпугнуть ее, пока ситуация не вышла из-под контроля. Такое признание озадачило бы многих девушек, а Зоэ только укрепились в мысли, что они с Габриэлем отлично подходят друг другу. И она рас-

сказала о вердикте гинеколога, о своем бесплодии, с которым уже смирилась, и о том, как находит постоянное утешение в улыбках своих учеников и в их динозавриках из соленого теста.

Когда он в очередной раз потянулся за своей колой, она заметила на его запястье татуировку. Смеясь, она задрала его рукав, провела пальцами по коже и прочла вслух набитые чернилами слова: «трое из четырех». Она спросила, что это значит, но он снял ее руку со своей и сменил тему разговора. Тактичная, привыкшая общаться с детьми Зоэ настаивать не пыталась. В чужие тайны она никогда не лезла. Беспокоиться не о чем, у них вся жизнь впереди – еще успеют узнать друг друга. А мне очень жаль, что он не воспользовался случаем и не рассказал ей обо всем в том парижском баре с липкими столиками, не вывалил ворох наших воспоминаний возле их почти опустевших стаканов. Тогда она, наверное, поняла бы, кто он есть на самом деле.

Их окружал веселый гул голосов, фоном безостановочно крутились композиции *Guns N' Roses*. Под конец Зоэ чуть захмелела. На улице, взяв Габриэля за руку, она заулыбалась звездам, пусть их и не было видно за тучами, из-за которых ночь была совсем темной.

– Ты все время улыбаешься, – заметил он, доставая сигарету. На самом деле курить он не собирался, это было лишь поводом высвободить руку.

– А ты никогда... – тепло сказала она в ответ.

Он вымучил полуулыбку, не затронувшую его глаз. Габриэль и Зоэ стояли лицом к лицу, он пристально смотрел на нее, крутя в руках зажигалку. В его мыслях шла яростная борьба. Нет, вариантов у него никаких, и он это знал. А вот у нее... Он мог бы отпустить эту девушку с непостижимой жадой жизни, с улыбкой, свет которой способен пробраться даже в могилы. Зоэ приблизилась к нему. Взглянув на ее губы, он, помедлив, отступил.

– Это плохая идея.

Надо отдать ему должное: в какой-то мере он ее предупреждал.

– Почему? – спросила она, удивившись его нерешительности.

– Я не завожу серьезных отношений.

– Никогда? Это как с алкоголем?

– Никогда.

Карие глаза Зоэ заблестели.

– Если дело только в этом, знай: я совершенно не собираюсь за тебя замуж, – заявила она.

Разумеется, она действительно об этом и думать не думала.

Она забрала у Габриэля сигарету, которую он держал все еще не зажженной во рту, выбросила в тротуарный водосток и ласково провела рукой по его щеке. В ее жесте не было ни намека на желание соблазнить. В нем заключалась вся та переполнявшая ее нежность, какой она, не раздумывая, одаривала всех вокруг – будь то дети, ободравшие колени на школьном дворе, или взрослые, рассказывающие ей о своих бедах. Для Габриэля этот ласковый жест стал чем-то сродни капельки тепла посреди лютной зимы. Ощущение мимолетное, но достаточно сильное, чтобы на руинах его души проклюнулся крохотный цветок.

Он обнял Зоэ за шею, притянул к себе и поцеловал. Начался дождь. Но ни одному из них и в голову не пришло укрыться в находившейся поблизости арке. Этот поцелуй Зоэ запомнит навсегда. Запомнит, как он разделит ее жизнь надвое, на до и после, как для нее перестанет существовать все вокруг. Отныне она в любой момент сможет, едва закрыв глаза, снова почувствовать жар, заполняющий ее сейчас изнутри, и заново испытать то чувство, что в ее жизни все наконец встает на свои места.

Этот поцелуй пополнил череду событий, которые, как и ее непростое рождение, велосипедная авария или новость о бесплодии, навсегда оставили свой след в ее душе и повлияли на формирование ее личности. Волна эмоций, связанных с этим моментом, станет накатывать на нее всякий раз, когда будет начинаться дождь, когда она окажется улице Монторгей, когда заметит, как кто-то зажигает сигарету, когда услышит песню *Knockin' on Heaven's Door*. От этих

невероятно сильных эмоций, возникающих внезапно, вне зависимости от ее желания, у нее будет перехватывать дыхание. В общем, как при воспоминаниях о психотравме.

Из дневника Абигаэль 1990 год

Габриэль ходит в школьную библиотеку. Ему можно брать домой по две книги в неделю. Я их успеваю прочитать дважды, а то и трижды, ведь две книги на семь дней – это мало. Истории там взрослые, но я уже все понимаю. Как-то раз я очень разозлила Габриэля, когда выбросила одну книгу в мусорку. Она называлась «Несчастья Софи». Книга была слишком грустная, потому что у Софи умерла мама, и я стала думать, а вдруг моя мама тоже умрет. Я заметила, что она часто ходит в больницу, и тогда нами занимается папа, и мы готовим макароны с кетчупом. Мысль, что смерть мамы, как и любого другого человека, неотвратима (то есть с этим ничего нельзя поделать), немножко убивает меня внутри. Вот я и выкинула ту книгу, пока дерево моих мыслей не разрослось у меня в голове, пока не привело прямоиком к несчастью, пока я не перестала дышать совсем.

Габриэль побежал к помойным бакам, но дяденька мусорщик его опередил. А я была очень рада, что эта книга расквасится в огромном кузове грузовика среди вонючих подгузников, баночек из-под йогуртов и яичной скорлупы. Вообще все горести надо всегда отправлять в мусоровоз. Габриэль был другого мнения и даже заплакал. Хотя мальчики плакать не должны. Так говорит папа. Он говорит, что, к счастью, есть он, иначе мама сделала бы из Габриэля размазню, – папе все приходится делать самому. А мама чуть-чуть размазня, ведь она плачет часто. Она думает, никто этого не видит. Мама говорит *пойду займусь стиркой*, и мы сразу понимаем, что она будет плакать, уткнувшись в полотенца. И трогать ее не надо. Но когда плачет брат, мне становится плохо, как если бы я сама плакала. Поэтому мне захотелось его успокоить, но он оттолкнул меня со словами *убирайся, тупица*, и я упала на землю.

Я с ним неделю не разговаривала. А может, это он не хотел со мной говорить, – уже не помню. За ужином он бросал на меня такие злобные взгляды, что папа даже спросил, не хочет ли он схлопотать заслуженную пощечину.

Не понимаю. Выбросить в мусорку эту ненужную унылую тоску – не преступление же, как говорит мадам Мишле, у которой никогда ничего не бывает преступлением.

Это как со спичками. Меня всегда ругают из-за пустяка, ругают за спичку. А ведь это всего лишь маленький огонек, очень полезный в полном мраке (в смысле, когда темно). Он такой слабенький и такой красивый! Когда я нахожу коробок, никак не могу удержаться и сжигаю все спички, просто чтобы полюбоваться на то, как танцует золотистое пламя. Это очень красиво. А красота всегда побеждает грусть. Как и музыка, но только эта красота запрещена. Не знаю почему.

Через неделю я все забыла, и мы с Габриэлем снова стали разговаривать. Он, как обычно, надавал мне оплеух. И мне стало легче. Вот только когда Габриэль в очередной раз пошел в библиотеку, ему что-то написали в желтый блокнотик и не позволили взять книги. Он показал это маме и попросил ее там расписаться. Мама стала заламывать руки и все твердила: *это невозможно, невозможно, невозможно*. Хотя это было возможно, потому что было написано в блокнотике. Мама спросила Габриэля, что он сделал с той книгой, и он ответил, что потерял. Он не рассказал, как я выкинула ее в мусорку. Старший брат для того и нужен: защищать младшую сестру. Это закон джунглей. По закону джунглей, большие всегда должны защищать маленьких. Даже если приходится врать и получать заслуженные пощечины. Габриэль всегда так говорит.

Мама сказала: *я должна сейчас же рассказать об этом твоему отцу. Нужно взять у него денег и купить такую же книгу взамен*.

Об этом я не подумала. И забеспокоилась, потому что папа совсем не любит, когда мама просит у него деньги. Если просим мы, Габриэль или я, то нормально. Когда папа в хорошем настроении, он дает нам монетку в два франка. Но если к нему обращается мама, у него всегда портится настроение, потому что она целыми днями ничего не делает, только занимается нами, уборкой, стиркой и готовкой, при этом еще и денег у него просит... Раньше я думала, он такой оттого, что мы бедные. Но причина, должно быть, в другом; теперь, повзрослев и прочитав «Оливера Твиста», я прекрасно понимаю, что мы не такие уж и бедные, поскольку у нас есть большая машина, которая стоит очень дорого. Папа всем рассказывает, что она обошлась ему очень дорого. Он ее обожает и каждые выходные моет перед гаражом. Нам запрещено что-либо есть в машине из-за крошек, потому что дополнительная опция кожаных сидений стоила целое стояние. Летом эта опция нагревается, а еще к ней прилипают голые ноги, но папе все равно, ведь он в шортах не ходит. Короче, мы не бедные, просто папа не любит отдавать деньги маме, потому что она всегда пускает их на ветер. Он предпочитает отдавать их продавцу автомобилей.

Габриэль сказал: *не надо просить папу, просто подпиши, я сам все улажу.*

Мама сказала: *хорошо.*

Похоже, мама обрадовалась, что Габриэль справится сам. Она не спросила, как именно он это сделает, в любом случае теперь ей не надо просить деньги у папы, а значит, все хорошо. Только не у Софи из «Несчастий Софи», потому что ее мама, понятное дело, по-прежнему мертва. Но это уладить даже Габриэль не способен.

Потом я пошла к Габриэлю в его комнату. Я забыла постучаться, прежде чем войти, и он меня отругал. Брат сидел на одеяле с рисунком из «Звездных войн» и пересчитывал деньги. Я отдала ему пять франков, которые мне дал папа после очередного моего посещения доктора Ассан, потому что он гордился мной и потому что я была очень умной маленькой девочкой, такой же умной, как он.

Я сказала Габриэлю: *это на новую книгу. Мне очень жаль, что ту я выкинула в мусорку, но ее история действительно слишком прискорбная.*

Его глаза сделались круглыми, и он сказал: *какая-какая история? Слишком какая?*

Я сказала: *прискорбная. Так в «Несчастьях Софи» говорят вместо слова «грустная».*

Габриэль рассмеялся.

Он сказал: *ну, хоть ты что-то выучила оттуда. А знаешь, оставь-ка свои деньги себе, ты права, не будем тратить наше бабло на такую фигню.*

Это были нехорошие слова, и я тоже рассмеялась.

Мы вышли из дома. Он держал меня за руку, а еще он взял с собой мою сумку для бассейна. Не знаю зачем, ведь бассейн у меня всегда по средам. Когда старший брат берет меня за руку, это настоящее счастье. Держать его руку – это как держать огромную связку разноцветных шариков и от радости улетать в небо, это как видеть свет от тысячи спичек разом, это как ощущать ласковое тепло в животе, это как улыбаться вместо того, чтобы грустить, даже если не происходит ничего смешного. Когда Габриэль рядом, мне очень легко. Ведь он старший брат, и рядом с ним я чувствую себя, как в бойлерной, в смысле, так, будто со мной ничего не может случиться. Даже в джунглях.

Раньше я никогда не бывала в книжном магазине. Все книги у нас дома и в маленькой школьной библиотеке я уже прочитала, что было совершенно прискорбно. А этот магазин! Никогда я не видела ничего прекраснее! Всюду книги разных цветов, для разных возрастов.

Габриэль шепнул: *у меня есть план, послушай-ка.*

И я послушала.

За кассой стоял продавец в очках и с усами.

Я очень вежливо обратилась к нему, как мне велел Габриэль: *Здравствуйте, как поживаете? Мне разрешили купить одну книжку на день рождения, не могли бы вы помочь мне с выбором, пожалуйста?*

Продавец повел меня к полкам. Он спросил, какие истории я люблю. Я сказала, те, где не умирают мамы, потому что книга «Несчастья Софи» мне не понравилась. От всей этой прискорбности мне трудно дышать, а я не хочу умереть от удушья.

Он сказал: *понимаю*.

Взрослые всегда говорят *понимаю*, хотя никогда ничего не понимают. Это меня смешит.

Но он, может быть, и правда немного понимает. У него на лице грустные морщинки, а тот, кому приходится грустить, знает, что не надо читать книги более грустные, чем настоящая жизнь.

Продавец так хорошо рассказывал о книгах! Почти как мадам Мишле рассказывает о своих кошках. В его голосе текла любовь, как течет клубничный джем по ванильному мороженому.

Я увидела, как Габриэль за спиной продавца сунул книгу в мою сумку для бассейна. Потом он стал подавать мне знаки, все больше и больше, но я делала вид, что его не вижу, ведь мне хотелось дальше слушать продавца, рассказывающего о книгах.

Габриэль подошел и сказал: *Аби, надо идти, у тебя бассейн*.

А я сказала: *в смысле? Бассейн же по средам*.

Габриэль сделал удивленные глаза и закашлялся.

Я сказала: *я нашла книгу себе на день рождения. В ней никто не умирает*.

И я протянула ему «Семейку Жизнелюбских в Америке».

Габриэль открыл рот, потом закрыл. И пока он изображал из себя рыбу, до меня дошло, что я забыла о нашем плане. От всех этих книг у меня закружилась голова. На самом деле никакой сегодня не мой день рождения, и я должна была притвориться, что у меня бассейн.

Я сказала: *знаете, мне надо подумать, а сейчас я в бассейн опаздываю*.

И я вернула ему «Семейку Жизнелюбских в Америке». Мне было очень грустно, похоже, эта книжка, в которой никто не умирает, действительно интересная. Наверное, со стороны выглядело, будто я сейчас разрыдаюсь, но я же не размазня, поэтому сдержала слезы в горле.

Габриэль сказал: *ладно, сколько стоит эта книга?*

Продавец ответил: *три франка пятьдесят сантимов*.

Габриэль сказал: *окей*.

А потом мы ушли.

Вечером Габриэль пришел ко мне в комнату и положил на кровать «Семейку Жизнелюбских в Америке». И в книгу даже был вложен чек. Брат вернулся в магазин и взаправду купил ее на свои деньги.

Он сказал: *с днем рождения, Аби*.

Было очень смешно, ведь мой день рождения не сегодня. Мы хорошо повеселились. Потом он дал мне оплеуху и вышел из моей комнаты. Книгу я прочитала в тот же день, слушая мамину самую прекрасную песню на свете.

Этот день был по-настоящему суперский.

Абигаэль Сейчас

Габриэль и Зоэ стали видеться регулярно. Поскольку Габриэль с самого начала дал ясно понять, что серьезных отношений не ищет, да и потом без конца об этом напоминал, Зоэ делала вид, будто слова «пара» и «семья» пугали ее так же, как возможная перспектива провести отпуск в парижских катакомбах. Впрочем, это было недалеко от истины. Хотя Зоэ и влюбилась в Габриэля, она не торопилась расставаться со свободой незамужней жизнью. И раз уж какое-
то *тканье*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.